
Сергей СЛЕПУХИН

* * *

Скрип лодки, домик, провода,
провиснув, шлындают над крышей,
стоит высокая вода,
дрожит понтон и хрипло дышит.

Стук дизеля, как пульс, угас,
туман спускается устало,
и лес затопленный из глаз
стирается мало-помалу.

Огни, бледнея, вдаль скользят,
чтоб гаснуть, скатываясь в скверну,
и все вокруг осенний взгляд
находит спорным и неверным.

* * *

Настал сентябрь, час канувших в провалы,
и кто-то там, в воздушных огородах,
несет в костер отжившую ботву.

Карманы водосточных желобов —
в них что-то капает, стекает, пропадает...
Отчаянье. Спасенья нет как нет.

Забудь себя: все беззащитно в бездне,
растет густая тьма и опухает,
в саду вечернем омертвели листья.

Слабеет свет в окошке одиноком,
теряют форму вещи, убывают,
стучу в чужие двери, ошибаюсь...

Последние четыре интеграла,
не в фокусе, размыто вдохновенье,
и я плыву, куда велит вода.

Сергей Викторович Слепухин родился в 1961 году в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт. Стихи и эссе публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Белый ворон», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Новая камера хранения», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Урал», «Уральская новь», во II и III томах «Антологии современной уральской поэзии». Живет в Екатеринбурге.

«Я думаю, внутри у нас черно» —
так думал Бродский, вот и я о том же.
Чернила подбираются к губам.

TRISTIA

Зачем я здесь? Уму непостижимо:
пустыня мрачная, холодный Истра ветер,
лохматый гет в персидских шароварах
и пасти рыб, во льду живьем застывших.

Что выиграл и что я проиграл?
Телесный мир Овидия бесплотен,
руины памяти — скелеты красоты,
в них нечто мглистое течет, околевая...

Боль старых глаз — одна она чиста,
лишь ей дано мои метаморфозы
отчетливо сквозь годы прозревать,
минувшее рукой объемля живо.

Я глупо создан: не могу забыть,
изгнанник из остынувшего тела.
Пределы слова, а за ним — молчанье,
где тлеет день в печали и обмане.

Недавно снилось: я опять бегу
призвать назад вчерашний день далекий,
у проруби луны кривые руки
мне тянут тени высохших деревьев.

О, сердце, сердце, так чего ты хочешь?
Сиротство муз срывается во мрак,
замкнулся круг, и, значит, это смерть,
безжалостная, как молва людская...

* * *

Пахнет свежей, свернувшейся стружкой,
в лужах золото в слитки спеклось,
редкозубье забора, избушка,
тень и тополь, бредущие врозь.
Перепев водостока, негромко
птаха что-то картавит в траве.
Ненадежно, сомнительно, ломко
в не остывшей от снов голове.

Рано утром взъерошенной птицей
в челки сосен и кудри берез
улечу, позабывши проститься,
неумыт, непричесан и бос.
Что ж я медлил! Оплошность, ошибка,
боязливый смешной воробей!
Как небесная каша хлипкая —
прикоснись к ней губами и пей!

ВАРИАЦИИ

Памяти Д. Савицкого

Проснулся рано, вышел налегке,
лил нудный дождь. Не ожидал сюрпризов.
Огни, дробясь, спускались по реке.
Мост через Сену, шпиль, цинк карнизов.

Горбатый фавн, фонарь над головой,
глухой подъезд, два силуэта, тени.
Нажать звонок? — «Ну, здравствуй, дорогой»,
а может: «Прочь! Вали к едрене фене!»

«Не вовремя?» — трезвонит телефон.
«Что ж, проходите» — зыбь дремотной лени.
Шуршала скатерть, чуткой люстры звон
на сквозняке, салфетка на колени.

Стол, штора, трепет листьев за стеклом,
тарелки, супница, приборы, пятна света.
«Откушали? Ну, с Богом!» — Поделом!
Ступай домой, мсье автор, без ответа.

Издатель сонный, низкий потолок,
нераспечатанные письма и отказы...
Удары в лоб и в пах... Японский Бог!
Пора б забыть наивные проказы.

Намокло неба грязное белье,
машинным маслом, гарью пахла Сена.
Bordel de merde — писательство твое!
Подделка грубая, фальшивка, ложь, измена.

Ползет такси, наматывая круг,
Расчета ждет нетерпеливый Гадес.
И драхма падает в ладонь из потных рук,
и ты бормочешь: «Жизнь... Какая гадость!»

* * *

Длинный лимузин набит тузами,
едет свадьба, выпендрон большой,
гражданин с печальными глазами
убывает девственной душой.

Личико его одутловато,
длинные дремучи волоса,
и над головой плывут куда-то
гелием надуты небеса.

* * *

Вышел мир из тьмы, в нее вернется,
снов смола стекает — кап и кап,
город в Небесах — на дне колодца,
Иерусалима звездный крап.

Жизнь — к концу? Да разве это горе!
Были, будут — завтра и вчера —
стаяка райских пташек на заборе,
лапка вербы, солнце, детвора.

Жолкнет чай, горчит на дне стакана,
тает грязный снег, идут дожди.
Час успения настанет — поздно ль, рано.
Жизнь — живи, конца ее не жди!